

СВЕТ СО СЦЕННЫ

В конце минувшего года два столичных театра — имени Ленинского комсомола и имени Ермоловой — пригласили зрителей на премьеры по пьесам Александра Чхаидзе «Чинарский манифест» и «С трех до шести». Оба спектакля посвящены темам актуальным, волнующим зрителей.

Ниже мы публикуем рассказ Александра Чхаидзе о поисках современного героя, о формах связи художника с жизнью.

— Лет двадцать назад, когда, будучи журналистом, я собирал материал для газеты, меня интересовали прежде всего конкретные факты дня — скажем, имена передовиков, которые получали урожай выше, чем у других. Но уже тогда меня приводило в изумление сравнение двух цифр — урожая, собранного в колхозном и своем саду. Колхозный был отделен от индивидуальных участков тоненькой изгородью. Но на колхозном участке собирали по две тонны мандаринов, а на личном — таком же по площади, — куда больше, словно здесь работали разные люди... Когда я спрашивал председателя колхоза, в чем здесь загвоздка, он мялся и говорил, что это не для газеты.

В то время говорить о недостатках многие хозяйственники подобного толка, да и не только они, считали неприличным и предпочитали оперировать общими цифрами урожая: они всегда были впечатляющими. И этот мнимый престиж принес, безусловно, вред и нашей экономике, и нашей морали. Я считал и себя виноватым в том, что не заговорил об этой проблеме двадцать лет назад. Долго этой вины я снял с себя в дни, когда принималась Продовольственная программа. Моя пьеса «Чинарский манифест» была написана за год до майского Пленума ЦК КПСС.

Поводом для нее послужили встречи с секретарем Коллукского райкома партии Аджарии Бондо Серапионовичем Джикия. В этом районе пять тысяч гектаров цитрусовых. Из них половина земли в приусадебных хозяйствах, а соотношение урожайности — 80 на 20 в пользу личного сектора.

— Неужели у тебя не болит об этом сердце? — спрашивал я секретаря. — Неужели кривить душой, делать вид, что ты этого не знаешь, престижнее, чем вскрыть этот нарыв и вместе с людьми поискать способ от него избавиться? Разве партийная совесть коммуниста не обязывает его высказать свою

боль и найти способ лечения?

Бондо Джикия выступил на пленуме райкома с открытой и взволнованной речью, а я написал пьесу. У него — партийного работника — и у меня — литератора — разные формы воздействия на людей, разные способы борьбы с негативными явлениями. Но смысл этой борьбы общий — говорить людям нашу партийную правду и вместе с ними расчищать для этой правды путь.

Я считаю, что для драматурга нет такой современной проблемы, разработка которой была бы противопоказана театру. По складу характера я не могу написать ни исторической, ни фантастической пьесы. Я пришел в драматургию из журналистики, и мои пьесы отражают явления сегодняшней жизни. Я отчетливо понимаю, что какие-то из них могут очень быстро устареть. Но я буду гордиться, если на определенном этапе развития страны я помогу партии. Все мои пьесы начинаются с конфликта. Обычно я ставлю героя в исключительные обстоятельства. Пьеса «С трех до шести», премьера которой почти одновременно состоялась в Русском театре драмы в Риге и Театре им. Ермоловой в Москве, — это тоже из журналистики.

Произведения литератора, пишущего на современную тему, нередко упрекают или даже поругивают словом «публицистика». Я не разделяю недоброжелательного взгляда на такой подход. Публицистами — да какими! — были и Гоголь, и Некрасов, и Салтыков-Щедрин, и Горький. Публицист — это страстный, убежденный сторонник правды, нашей партийной правды. Возможно, что иным людям обаятельная правда жизни представляется слишком прямолинейной и они предпочли бы подтекст, но мне кажется, что в искусстве куда страшнее художественно завуалированная полуправда. К тому же камуфляж весьма прозрачен. Используют, например, такой прием: напишу-ка я про Петра, все равно в нем узнают

Ивана! Или переведу чужой — пусть думают, что это про времена прошедшие, а не про сегодняшний день.

— Но кому нужна эта взрослая игра в прятки? Убежден, кстати, что фальшивую пьесу написать труднее — там надо все время изворачиваться, оглядываться. Когда я закончил пьесу «Мост», «доброжелатели» нащупывали мне: вот увидишь, это не пройдет! Прошло! Перешагнула пьеса границы моей республики, и из Рустави «Мост» перекинулся в Москву, в Прагу и Берлин.

Партийная правда часто сопряжена с настоящей болью. Ей претит ехидство, «кукиш в кармане», потому что она направлена на искоренение зла. Пьеса на современную тему, современный конфликт как раз и привлекают меня возможностью прямо сказать о наблевшем. К тому же я всегда вижу в зрителе своего единомышленника, опираюсь на его поддержку, а это обязывает меня говорить и от имени зрителя. Этому, кстати, меня научил театр.

Однажды Дмитрий Алексидзе вспомнил о своем разговоре с Немеиричем Данченко. Владимира Ивановича спросили: «Почему сцена на полтора метра поднята над зрительным залом?» Тот ответил: «Потому, что на сцене все должно происходить на полтора метра выше, чем в жизни. Сцена — это трибуна общественного мнения. И как с трибуны люди говорят о самом насущном, так и свет со сцены выявляет то, что есть в умах и сердцах зрителей».

Критик упрекнул меня как-то в том, что во всех пьесах у меня один герой. Я согласен с ним. Герои моих пьес — старый колхозник или восемнадцатилетний председатель, десятиклассница или помощник прокурора — это действительно один герой в том смысле, что это человек правды, это — советский человек. Все эти люди окружают меня, и они во мне. Моя социалистическая Родина, моя партия дали мне право говорить от их имени.

Если зал на моей стороне, значит, я угадал его настроение, его отношение к жизни, как бы горька или смешна ни была рассказанная в пьесе история.

— В своих выступлениях

вы подчеркиваете, что театр — трибуна общественного мнения. Но не будем скрывать, что ныне местные театры зачастую играют спектакли при полупустом зале, и тогда страстное слово с трибуны театра не слышат массы...

— Как председатель Аджарского отделения Театрального общества Грузии я хотел бы поддержать разговор на страницах «Советской культуры» о недостатках абонементной системы обслуживания театрального зрителя. Театры на местах испытывают серьезные трудности. Театр в Батуми, например, каждый вечер ждет триста зрителей. По рапортичке кассира эти триста человек присутствуют в зале, а в действительности их нет. Большинство владельцев абонементов остались дома, хорошо, если за книгой или у телевизора...

Так для кого же существует театр — для кассы, для галочки в отчете или для зрителя? Сама по себе абонементная система не плохая вещь, но она требует постоянной воспитательной работы со зрителем. А если абонементная система ширма, пряча за которую, люди получают премии за выполнение плана привлечения зрителей? Что это, как не злостная приписка, за которую в народном хозяйстве наказывают вплоть до исключения из партии? Абонементная система такого рода наносит ущерб и творчеству: играя в полупустом зале, актеры пренебрегают мастерством, постепенно теряют форму да и интерес к своему делу.

— Эффективность абонементной системы, успех гастролей, выездных спектаклей во многом зависят не только от самого театра, но и от отношения к нему партийных работников, хозяйственных руководителей. Как отражается равнодушие к театру или, напротив, любовь к нему на творчестве актера, драматурга, на их настроении?

— Расскажу об одном случае, свидетелем которого был сам. Как-то на бюро райкома принимали в партию молодого сельского специалиста. Секретарь райкома спросил у кандидата:

— А вы часто бываете в театре?

Тот даже с какими-то гордыми потками ответил:

— Не бываю совсем. Не до театра!

Знаете, в тот день члены бюро отложили прием в партию этого человека. Выяснилось, что он вообще слабо подготовлен в идейном плане, не знает элементарных вещей. Я чувствовал себя виноватым: не присутствуя я на том бюро, возможно, секретарь и не задал бы парню такого вопроса, и все прошло бы у него гладко. Но с другой стороны — ведь прав был секретарь! Если хозяйственный руководитель, сельский интеллигент стоит в стороне от духовной жизни, то какой из него воспитатель коллектива? От отношения руководителя к театру, к Дому культуры в своем селе зависит очень многое.

Театр всегда ждет оценки уважаемого лица, его поддержки, помощи. И если общение партийного работника с театром постоянно, то и его мнение об идейно-художественных просчетах или недостатках спектакля воспринимается творческим коллективом с настоящим доверием. Люди прислушиваются к такому мнению и взыскательнее относятся к своей работе. Под дождем бывает холодно, но зато как оживает после него вспаханное поле!

— Не могу не задать традиционного вопроса: что нового в вашем портфеле?

— Для малой сцены Театра имени Ермоловой я написал камерную пьесу с тремя героями «Запасной аэродром». Исполнителем главной роли станет один очень популярный грузинский артист, который живет в Грузии, но часто бывает в Москве. Поскольку метеословения не всегда благоприятствуют Аэрофлоту, я не могу пока раскрывать замысел до конца. Поживем — увидим.

И еще одна пьеса, которая уже написана и переведена на русский язык, — «Не привлекался». Эта пьеса о партийном внимании к человеку, об умении ценить его деловитость, о доверии. Я вижу спектакль, в котором большинство персонажей будут выходить на сцену из зрительского зала и размышлять, вспоминать, действовать так, как действует настоящий коммунист в конфликтной ситуации, — обдуманно, принципиально, смело.

Беседу вел
Г. ВЛАДИМИРОВА.